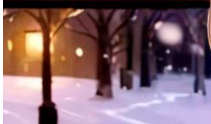
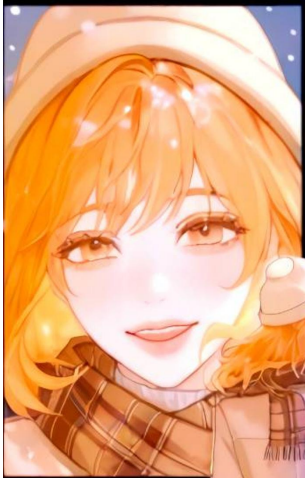

Николай де Морес

**Любовь в тишле
спецназа**

Николь Лорес

Любовь в стиле спецназа

<https://litres.ru/73828846>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вероника Вечерова замерзала на остановке в ноябрьский вечер — не только от холода, но и от жизни, которая пошла не так. Два года назад Ника сама разорвала отношения с Кириллом Зориным, устав от его молчания и вечного отсутствия. Два года она пыталась забыть человека, который любил её не словами, а делами.

Меньше года она училась жить с другим — красивым, внимательным, всегда рядом... И постепенно опутывающим её контролем.

Он не должен был здесь появиться. Не должен был снова смотреть на неё с той же теплотой в серых глазах. Не должен был предлагать: «Подвезти?» — так, будто они расстались не два года назад, а вчера вечером.

Но он появился и теперь Нике предстоит сделать выбор: остаться в выматывающих отношениях, где есть громкие слова, но не настоящая любовь, или рискнуть ради второго шанса с человеком, чьё молчание было громче признаний.

Сможет ли она простить его за прошлые ошибки? Сможет ли он поверить ей снова? И хватит ли им сил построить любовь заново — не спеша и осторожно?

Николь де Лорес

Любовь в стиле спецназа

Глава 1. Тот, кого не ждешь (Вероника).

20 ноября.

Конец ноября выдался мерзким. Даже не по-настоящему холодным, а именно что промозглым — когда влажный ветер пробирает до костей, а серая каша из снега и дождя под ногами делает мир плоским и унылым.

Я зябко переминалась с ноги на ногу на краю остановки, вжав голову в плечи. Пальто, которое еще в октябре казалось мне элегантным и теплым, сейчас пропускало ледяные иглы ветра. В голове играла мелодия из фильма, который вчера досмотрела, но она не спасала — мысли назойливо жужжали где-то на фоне, возвращаясь к одному и тому же.

Вчерашняя ссора с Максом. Господи, как же это было глупо.

«Ты где была? Почему трубку не брала? Я же волнуюсь!» — его голос в телефоне был полон не столько тревоги, сколько обвинений. В очередной раз он требовал от меня отчета за каждую пропущенную минуту, за каждый вздох, который сделала не при нем.

Я объясняла, что просто гуляла, что телефон разрядился, что мне двадцать четыре года и у меня есть право на личные часы. Но он слышал только себя. В какой-то момент я про-

сто устала. Устала оправдываться. Положила трубку, и вчера вечером мы больше не разговаривали.

Холод пробрался под воротник, и я поежилась. Маршрутки все не было. В такую погоду они, как назло, набиваются битком и ползут медленно. Я уже почти смирилась с мыслью, что сейчас втиснусь в ледяной, запотевший салон, буду ловить равновесие на ухабах и вдыхать чужие запахи мокрой одежды...

— Ника?

Я замерла. Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле. Я знала этот голос. Я запрещала себе его помнить, но стоило ему прозвучать — и все внутри перевернулось.

Я медленно повернула голову.

Он стоял в метре от меня. Высокий, широкие плечи обтянуты черным пуховиком, который сидел на нем как влитой. Волосы короче средней длины, уверенный, спокойный взгляд. Он будто стал шире, взрослее, надежнее. Два года — срок небольшой, но его он изменил. Сделал тем мужчиной, которым всегда обещал стать.

Но глаза... Глаза остались теми же.

Теплые. Спокойные. Родные. До боли, до дрожи. Те самые глаза, в которые я так боялась смотреть, потому что тонула в них без остатка.

— Кирилл? — мой голос прозвучал хрипло и неуверенно, будто я разучилась говорить.

— Не замерзла еще? — он кивнул на мои побелевшие

пальцы, вцепившиеся в воротник пальто.

Пауза. Всего пара секунд, но за них в голове пронеслось столько всего. Наша последняя встреча. Его слова: «*Хорошо*». Мои слезы. Пустота. Потом — попытки забыть, стереть, вычеркнуть. Макс, который появился и, кажется, заполнил эту пустоту собой. Кажется.

— Есть немного, — выдавила я улыбку, чувствуя, как ветер треплет мои волосы, выбившиеся из-под капюшона.

— Давно стоишь? — спросил он, делая шаг ближе. От него пахло морозной свежестью, кожей и чем-то неуловимо знакомым, от чего защипало в носу.

— Минут пятнадцать... Маршрутки, сам знаешь, — я пожала плечами, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Знаю, — он кивнул на свою машину. — Тебе куда? Давай подвезу.

Это было сказано так просто. Будто мы расстались вчера. Будто не было этих двух лет тишины, боли и попыток жить дальше. Будто он по-прежнему имеет право заботиться.

Нужно было отказаться. Вежливо улыбнуться, сказать: «*Спасибо, не стоит, я сама*». Вспомнить о Максе, о вчерашней ссоре, о том, что я вроде как не одна. Вспомнить, что этот человек ушел сам. Разбил мне сердце и ушел.

Но я смотрела на него и в его глаза и понимала: не могу.

Не могу отказаться от этих нескольких минут рядом с ним. Просто побыть в его пространстве, вдохнуть тот самый воздух, услышать голос вживую. Глупо. Опасно. Но я за все

время так устала быть правильной и сильной.

— Спасибо, — выдохнула я и пошла вместе с ним.

Он открыл передо мной дверь, и когда я села на теплое кожаное сиденье, меня накрыло волной тепла и запахов — его парфюм, мятная жвачка и кофе. Машина тронулась с места, оставляя мерзнущих людей на остановке далеко позади, а я сжимала ремень безопасности в кулаке и боялась поднять на него взгляд.

В салоне играла негромкая музыка, старая, наша. И тишина была такой же тягучей, как тогда — полная невысказанных слов и вопросов, на которые у нас не было ответов.

— Как ты? — спросил он, когда мы вырулили со стоянки. — И куда едем?

Я повернула голову и встретилась с ним взглядом. Теплым. Спокойным. Родным. И мир сжался до размеров этого салона.

Глава 2. Та, которую не забыть (Кирилл).

Я не знаю, зачем остановился. Это не было решением. Это был рефлекс — быстрее, чем удар, быстрее, чем палец на спусковом крючке. Просто шел по своим делам, краем глаза скользнул по остановке, и все. Мир сузился до одной точки...

Она.

Худая, замерзшая, кутается в дурацкое пальто, которое уже не греет. Тот самый рыжий хвост, вечно непокорный,

выбивается из-под капюшона, и ветер треплет эти выбившиеся пряди. Я видел ее такой тысячу раз. И не видел два года...

Два года. Два гребаных года я учился не думать о ней.

Уходил с головой в тренировки, в сборы, в выезды. В усталость, которая выжигает все лишнее — чувства, воспоминания, надежды. Работал до седьмого пота, до дрожи в мышцах, до состояния, когда падаешь на койку и просто отключаешься. Это помогало. Почти...

А теперь я увидел ее — и понял: не выучился.

— Ника?

Окликнул. Увидел, как она вздрогнула, как медленно повернула голову, и у меня внутри все сжалось.

Она смотрела на меня так, будто видела призрака. Большие янтарные глаза, те самые, от которых у меня когда-то земля уходила из-под ног. Сейчас в них было столько всего: испуг, неверие, что-то очень теплое, а следом — холодная стена. Опустила ресницы — и спряталась от меня, от моего взгляда. Я прекрасно могу ее понять, ведь сам был еще тем человеком...

— Кирилл?

Голос хриплый, неуверенный. Она замерзла, это сразу видно — губы посинели, пальцы вцепились в воротник так, будто он может спасти.

— Не замерзла еще? — спрашиваю, кивая на ее руки.

Глупый вопрос. Конечно, замерзла. На ней же пальто —

красивое, но для ноября никакое. Раньше я бы отругал ее за такое. Заставил застегнуться, может быть, снял свою куртку и накинул. Сейчас просто стою и смотрю.

— Есть немного, — улыбается. Вымученно так.

— Давно стоишь?

— Минут пятнадцать... Маршрутки, сам знаешь.

Знаю. Она всегда их ненавидела. Вечно мерзла на остановках, ругалась, что в маршрутках толкаются и дуют из всех щелей.

— Знаю, — говорю. — Тебе куда? Давай подвезу.

Пауза. Вижу, как она колеблется. Вижу этот внутренний бой — там, за зрачками. Хочет отказаться, точно хочет. У нее гордость всегда была. Но я смотрю и жду. Потому что, если она сейчас скажет «нет», я сяду в машину и уеду. Спокойно. Как учился. Без лица.

Она выдыхает.

— Спасибо.

Идет за мной, но с неохотой. Будто на допрос веду. Садится в машину, и салон наполняется запахом. Другим. Не тем, который я помнил. Раньше у нее были легкие цветочные духи, которые оставались на вещах после того, как она их носила. Сейчас — что-то более терпкое, взрослое. Тоже красиво, но чужое.

Она села на переднее пассажирское сиденье и вцепилась в ремень. Теревит его пальцами: нервничает. Я трогаюсь, выруливаю со стоянки, в салоне играет музыка — та, старая,

что мы слушали вместе. На автомате поставил, даже не подумал...

В салоне тихо. Только негромкая музыка, звуки мотора и снег, который превращается в дождь, шелестит по крыше.

Смотрю на нее краем глаза. Похудела. Сильно. Скулы острее стали, и тени под глазами — такие, какие бывают, когда человек не высыпается, но не потому, что веселится ночами, а потому что уснуть не может. Знаю эти тени, так как сам с такими жил пару месяцев.

— Как ты? — спрашиваю осторожно, голос стараюсь держать ровным. — И куда едем?

Она называет кофейню. Ту самую, где они с Катей постоянно зависали. Раньше я ее там забирал часто — после учебы, после работы. Заходил, видел ее за столиком у окна, с чашкой капучино и книжкой, и внутри все теплело.

После того как сказала адрес, замолкает. Словно ждет, что я сейчас начну оценивать. Осуждать.

Поворачивается ко мне — и в ее янтарных глазах плещется столько всего, что я с трудом держу себя в руках. Руки на руле сжимаются сами.

— Живу, — говорит она.

Врет... Ясно как день врет. Такой взгляд у нее был только тогда, когда она пыталась сделать вид, что все хорошо, хотя мир вокруг рушился. Я молчу, не давлю. Даю время — как тогда учил ее: *«Если хочешь, чтобы человек сказал правду, просто подожди»*. Один из методов во время допроса: если

почти не говоришь, то человек попробует заполнить тишину. Не на всех действует, но на Нику — почти всегда. Ей просто тяжело сидеть в тишине: сразу анализирует себя и появляется ворох мыслей.

И она потихоньку начала рассказывать.

О ерунде. О работе, о начальнике-зануде, о том, что у Кати появился парень и теперь они реже видятся. О погоде — какая гадость этот ноябрь. Говорила быстро, нервно, пере-скакивала с темы на тему, словно боялась, что я спрошу что-то другое. То, о чем она говорить не хочет.

Я слушал.

Как тогда. Как всегда. Я никогда не был говорливым — вечно она тараторила, а я просто смотрел и слушал. Ловил каждое слово, каждый жест, каждую эмоцию на лице. Сейчас делаю то же самое, хотя внутри все кипит.

Руки на руле сжаты так, что костяшки побелели.

Она рядом. Через полметра. Можно протянуть руку — и коснуться. Убрать эту рыжую прядь с лица. Взять ее за руку. Сказать, что все будет хорошо, как делал все это раньше. Но я не имею права. Я тот, кто ушел. Я оставил ее тогда, потому что думал, что так будет правильно. Что она заслуживает кого-то, кто будет рядом всегда, а не приезжать урывками между выездами и учениями.

Смотрю на нее и понимаю: как же я ошибался.

Она замолкает на полуслове. Смотрит в окно, на мокрые улицы, на витрины, и в ее глазах эта усталость... бесконеч-

ная. И я чувствую, как во мне поднимается что-то темное и злое. На того парня, о котором шепталась Катя. На себя. На весь мир, который позволил ей так выглядеть.

— Приехали, — говорю, останавливаясь у кофейни.

Она поворачивается ко мне. Смотрит долго, изучающе. В ее янтарных глазах — вопрос. Тот самый, который мы оба боимся, но хотим задать.

— Спасибо, Кирилл, — тихо говорит она.

— Ника, — останавливаю ее, когда она тянется к ручке двери. Она замирает. Смотрит.

Я молчу, подбирая слова. Не умею я красиво: не обучен.

— Если что... ты знаешь. Мой номер тот же.

Она сглатывает. Кивает быстро, резко. И выходит.

Я смотрю, как она идет к двери кофейни — худенькая, уставшая, но все равно с этой своей гордой осанкой. Рыжий хвост мотается на ветру. Оборачивается у входа. Смотрит на меня сквозь стеклянную дверь.

Я не улыбаюсь, а просто киваю. Завожу мотор и уезжаю, хотя все во мне просит развернуться, зайти туда, сесть напротив и просто смотреть. Слушать. Быть рядом.

Но я не имею права... Пока не имею.

Два года ада — и одна встреча, которая перечеркнула все.

Глава 3. Тот самый август (Вероника).

16 августа, три года назад.

Август в этом году выдался душным и медленным, но ве-

чер, когда Катя праздновала день рождения, был идеальным — теплым, с легким ветерком, который задувал в открытые окна кафе и шевелил бумажные гирлянды под потолком.

Я опоздала. Как всегда...

Влетела внутрь, запыхавшаяся, с сумкой, которая вечно норовила сползти с плеча, и с историей про пробку, которую сочиняла всю дорогу от метро.

— Кать, прости, это жуть! Я думала, умру в том автобусе! — выпалила я, на ходу раскидывая руки для объятий.

Подруга поймала меня в охапку, засмеялась, поцеловала в щеку — от нее пахло духами и шампанским. Вокруг гремела музыка, кто-то хохотал в углу, на столах стояли тарелки с едой и бокалы. Обычная вечеринка. Обычный шум. Все как я люблю.

Я отпустила Катю, поправила волосы, перевела дыхание и подняла глаза. И все остановилось.

В углу, за маленьким столиком у окна, сидел он.

Высокий. Широкие плечи, которые не скрывала даже простая черная рубашка с закатанными рукавами. Волосы средней длины, спокойное, чуть отстраненное лицо. И глаза — серые, ясные, внимательные. Такие глаза бывают у людей, которые видят больше, чем говорят. Которые смотрят не на тебя, а в тебя.

В одной руке он держал стакан. С водой.

Вода... Серьезно? В этом гомоне, где половина компании уже изрядно навеселе, где алкоголь льется рекой, а кто-то

уже предлагает тост за любовь, — он сидит и пьет воду.

И смотрит на меня... Не отрываясь. Спокойно. Пронзительно... Так, что у меня внутри что-то екнуло и провалилось куда-то вниз живота.

— Вероника, — Катин голос выдернул меня из ступора, она уже тащила меня за руку к его столику. — Знакомься, это Кирилл. Наш местный тихоня. Но если разговорить — не остановишь. Кирилл, это Ника, моя подруга детства. Будь осторожен, она та еще зажигалка.

Я, конечно, не могла не ляпнуть:

— О, значит, мы поладим! — я ткнула себя пальцем в грудь и улыбнулась во все тридцать два. — Я как раз мастерица разговоры разговаривать. Так что крепись, ведь я готова тебя разговорить.

Он чуть склонил голову набок. В уголках губ дрогнула едва заметная улыбка. Никакого смущения, никакой неловкости — он просто смотрел и, кажется, изучал. Будто я была задачей, которую ему предстояло решить.

Катя упорхнула к другим гостям, а я, не дожидаясь приглашения, присела на стул рядом с ним. Бесцеремонно. В моем стиле. Развернулась к нему всем корпусом, подперла щеку рукой и уставилась с нескрываемым любопытством.

— Так, — начала я, кивая на его стакан. — Ты что, совсем не пьешь? В смысле, вообще?

— За рулем, — ответил он. Голос у него оказался низким, ровным, без лишних эмоций. Такой голос бывает у людей,

которые привыкли, чтобы их слушали.

— О, ответственный! — я театрально прижала руку к сердцу. — Это похвально. А если бы не был за рулем? Ну вот представь: ты пришел пешком, все можно. Что тогда?

— Все равно бы не пил, — спокойно ответил он.

Я рассмеялась. Звонко, чуть громко, чем стоило.

— Скучный! — вынесла вердикт и ткнула его в плечо. Оно оказалось твердым, подобно камню. — Сидишь в углу, воду пьешь, алкоголь не пьешь, не танцуешь... Ладно, — я поддалась вперед, опираясь локтями на стол. — Расскажи что-нибудь интересное. Катя сказала, ты в спецназ хочешь?

— Пытаюсь.

— Ого. — Я удивилась, ведь такие цели уже что-то серьезно. — А зачем?

Он немного приподнял бровь. И в этом движении было столько иронии, что я на секунду засомневалась, кто из нас кого «разговаривает». Но потом он ответил... И ответил так, что у меня перехватило дыхание.

— Потому что кто-то должен защищать таких, как *ты*.

Я замерла.

Серьезно? Он это только что сказал? Вот так просто, сидя в прокуренном кафе с бумажными гирляндами, под дурацкую попсу, глядя на меня этими своими спокойными серыми глазами?

— То есть... — я моргнула, пытаюсь вернуть способность говорить. — Я похожа на ту, кого надо защищать?

— Ты похожа на ту, кто вечно влипает в истории, — сказал он, и в этот раз в его голосе послышались теплые нотки. — И на ту, кто заслуживает, чтобы за ней приглядывали.

Я растерялась. Впервые в жизни. Я всегда знала, что ответить, всегда могла отшутиться, перевести все в шутку, свести к флирту. А тут просто сидела и хлопала ресницами, чувствуя, как щеки начинают гореть.

Никто никогда не говорил мне таких слов. Не в ухаживаниях, не в комплиментах, а просто так — в разговоре, будто это само собой разумеющееся.

— Ты... — начала я, но не закончила.

Потому что заиграла медленная музыка, и кто-то из компании закричал: «*Танцы! Всем танцевать!*».

Я вскочила и нырнула в толпу: сбежала от этого разговора и от его взгляда. Танцевала, дурачилась, кружилась с Катей, хохотала.

Но краем глаза все время искала его в углу. Ведь он не танцевал: он сидел там же, с этим своим стаканом и смотрел. На меня.

Каждый раз, когда я оборачивалась, я ловила его взгляд. Спокойный. Внимательный. От него хотелось то ли спрятаться, то ли, наоборот, быть еще ярче, еще громче, чтобы он точно меня видел.

В какой-то момент я не выдержала. Подошла, запыхавшаяся, покрасневшая, и села рядом.

— Слушай, — выдохнула я, убирая с лица прилипшие во-

лосы. — Ты так и будешь весь вечер на меня смотреть? Или уже признаешься, что я тебе жутко нравлюсь?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Таким, от которого мурашки побежали по спине.

— Может быть, — сказал он тихо.

И я поняла: этот человек не врет. Вообще не умеет. Если бы я ему не нравилась, он бы так и сказал. Или промолчал. А тут — *«может быть»*. Это значило *«да»*. Но он не спешил. Он вообще никуда не спешил. И от этого внутри разливалось что-то теплое и странное.

— Кирилл, — позвала я, когда он уже вставал, собираясь уходить. Он обернулся.

— Ты правда думаешь, что я влипаю в истории?

Он усмехнулся уголком губ. Впервые за вечер — по-настоящему.

— Уверен.

— Тогда, — я улыбнулась своей самой озорной улыбкой. — Можно ты составишь мне компанию? Чтобы я не влипла во что-нибудь по дороге домой?

Он замер на секунду. А потом кивнул.

— Пошли.

И я пошла. Быстро попрощалась с Катей и пошла за ним, чувствуя, что этот вечер, это знакомство, этот человек — начало чего-то большого. Чего-то, что изменит все.

Тот самый август. Тот самый вечер. Тот самый взгляд, от которого я пропала...

Глава 4. Почти поверила (Вероника).

Через год после того, как Кирилл ушел, в нашей с Катей кофейне появился он.

Я тогда уже почти научилась не вздрагивать, когда входная дверь звякала колокольчиком. Почти перестала искать в толпе знакомый силуэт. Почти убедила себя, что все хорошо. Что я сильная. Что справлюсь.

Я сидела за нашим обычным столиком у окна, пила остывший капучино и делала вид, что читаю книгу. На самом деле я просто смотрела на мокрый асфальт и думала о том, как же пусто может быть внутри, даже когда вокруг люди.

— Здесь занято?

Я подняла глаза. Рядом стоял высокий брюнет в стильном пальто, с легкой небритостью и улыбкой, которая, видимо, должна была обезоруживать. Красивый. Уверенный. Из тех, кто привык получать то, что хочет.

— Вообще я жду подругу... — начала я, но он уже ставил свой кофе на мой столик.

— Я быстро, честное слово. Просто увидел девушку с такой грустной книгой и не смог пройти мимо. Что читаете?

Он сел напротив, даже не дожидаясь приглашения. И я, дура, позволила...

Его звали Макс. Как оказалось, он был дизайнером, которого наняло наше кафе. Своя студия, свой бизнес, своя машина. Он говорил красиво, смотрел прямо в глаза и делал

комплименты так, будто они ничего не стоили — просто воздух, которым дышит.

— Ты невероятно красивая, когда задумываешься, — сказал он в тот первый вечер. — У тебя глаза становятся глубокими-глубокими. Хочется нырнуть.

Я рассмеялась. Это было легко. Приятно. Он говорил то, что я так хотела слышать:

«Ты заслуживаешь большего, чем просто «нормально». Ты заслуживаешь праздника каждый день. Я сделаю тебя счастливой. Просто позволь мне.»

После года с Кириллом, который был молчаливым и сдержанным, который уходил в себя и не умел говорить красиво — это было как глоток шампанского после долгого поста. Пьянило и кружило голову...

Сначала все было идеально.

Макс появлялся в нужные моменты. Звонил ровно тогда, когда я начинала скучать. Дарил цветы без повода — просто потому, что *«увидел и вспомнил твои глаза»*. Говорил, какая я удивительная, талантливая, особенная. Восхищался мной перед своими друзьями, брал за руку при людях, смотрел с такой нежностью, что у меня сжималось сердце.

Я думала: вот оно. Счастье. Наконец-то меня любят так, как я хочу. Как я всегда мечтала. Открыто. Громко. Красиво.

Первые звоночки я не услышала. Или не захотела слышать.

— Тебе идет это платье, но то, синее, было лучше. Ты его

больше не носишь? — спросил он как-то, когда мы собирались в гости.

— Ношу, просто сегодня захотелось это.

— Жаль. В синем ты была... ну, ты понимаешь. Но ничего, ты и так красивая.

Я тогда не придавала значения. Подумала — ну, мнение. Имеет право.

Потом началось другое.

— Ты так красиво улыбнулась тому клиенту на встрече, — сказал он однажды вечером, когда мы ужинали. Голос ровный, но в глазах что-то мелькнуло. — Прямо сияла вся. Я аж заревновал.

— Макс, это просто клиент. Мы обсуждали проект.

— Я понимаю. Просто... ты моя. Не люблю, когда на тебя так смотрят.

Я засмеялась, чмокнула его в щеку. Мило. Он ревнует — значит, любит.

«Где ты была? Почему не брала трубку?»

Это случилось через четыре месяца. Я задержалась у Кати, мы болтали, пили чай, и я не услышала звонок. Когда вышла от нее — восемь пропущенных. И сообщение: *«Я волнуюсь, а ты даже не соизволишь ответить»*.

Я перезвонила, извинилась. Он отчитал меня — спокойно, холодно, как ребенка. Сказал, что так нельзя, что он с ума сходит, что я должна думать о его чувствах. Я оправдывала его. Он просто любит слишком сильно. Он переживает.

Ему не все равно. Это же забота, правда?

Катя пыталась открыть мне глаза.

— Ника, ты сама-то слышишь, что говоришь? — спросила она однажды, когда я в сотый раз пересказывала ей нашу ссору. — Он тебя контролирует. Это не любовь.

— Ты не понимаешь, — качала я головой. — Он другой. Он эмоциональный. Ему нужно больше, чем другим.

— Ему нужно, чтобы ты принадлежала ему. Целиком. Без остатка. А ты таешь. Тебя больше нет. Есть только «мы» в его понимании.

Я иногда злилась на нее. Думала, что она завидует. Что не понимает. Что у нее просто не было такой сильной любви.

Хотя я больше боялась...

Боялась снова остаться одна. Боялась той черной дыры, которая образовалась во мне после ухода Кирилла. Боялась снова учиться жить с пустотой внутри. Макс эту пустоту заполнял. Да, он требовал, контролировал, мог иногда повышать голос. Но он был рядом. Он говорил, что любит. Он держал за руку.

А то, что внутри все сжималось от его звонков с вопросами «где ты и с кем» — это же просто нервы. Просто я не привыкла к такой заботе. Я врала себе так долго, что почти поверила...

Глава 5. Разговор с подругой (Вероника).

Мы встретились с Катей в нашем старом кафе. В том са-

мом, где все началось. Где я впервые увидела Кирилла. Где потом сидела с Максом.

Катя уже ждала за столиком у окна — на том же месте, где мы просидели сотни часов, обсуждая все на свете. Она улыбнулась, когда я вошла, но в глазах мелькнуло беспокойство. Я села напротив. Заказала капучино. Сняла шарф, повесила пальто на спинку стула. Сделала глоток.

— Ну что, как там твой Макс? Очередная ссора? И какой повод на этот раз?

Теперь я понимала, что больше не смогу молчать. Я крутила в руках ложку, смотрела, как круги расходятся по кофе, и наконец решилась. Выдохнула — и сказала:

— Я встретила Кирилла...

Катя замерла. Чашка застыла в миллиметрах от ее губ.

— Что? — переспросила она тихо.

— Мы встретились на остановке, пока я ждала автобус. Он предложил подвезти меня. Мы... поговорили. Немного...

Катя поставила чашку на блюдце. Молчала. Смотрела на меня так, будто ждала продолжения, но боялась его услышать.

А меня прорвало. Все, что копилось месяцами, хлынуло наружу — слова, слезы и признания, в которые я сама себе не верила и которые я не могла признать.

— Кать, я будто проснулась, — голос дрогнул, и я сжала ложку сильнее. — Как будто все это время я спала: ходила,

ела, разговаривала, улыбалась. А тут увидела его — и... — я всхлипнула, вытирая щеку тыльной стороной ладони. — А с Максом... С ним я больше не могу.

Катя молчала. Просто смотрела на меня своими честными карими глазами, в которых было столько боли за меня, что мне стало стыдно.

— Ты же знаешь, я никогда не лезу, — тихо сказала она. — Но я видела, как ты гаснешь... Как ты боишься ответить не так, прийти не вовремя, улыбнуться не тому. Это не ты, Ника... Моя Ника хохочет в голос, танцует под дождем и посылает всех, кто пытается ее посадить в клетку.

Я заплакала в голос. Как ребенок, уткнувшись лицом в ладони. Пара людей за соседними столиками взглянули, но мне было плевать. Катя под села ко мне, обняла за плечи, притянула к себе. От нее пахло ее привычными духами — теми, что я помню с начала дружбы. Надежностью. Домом.

— Ника, — сказала она тихо, но твердо. — Разве это любовь? Скажи мне честно, глядя в глаза. Разве так выглядит любовь?

Я молчала, потому что знала ее ответ. И я была согласна...

— Кирилл, — продолжала Катя, глядя меня по волосам, — может и не говорил красиво. Может он не дарил цветы каждую неделю. Но ты помнишь, как он на тебя смотрел?

Я замерла. Вспомнила. Серые глаза, спокойные, теплые. Взгляд, от которого внутри разливалось тепло. Который не требовал, не контролировал — просто принимал.

— За все время, которое я наблюдала за вами, он никогда не повышал на тебя голос, — сказала Катя. — Ни разу. Даже когда вы ссорились. Он мог уходить в себя, молчать, но не унижать. Не заставлял оправдываться за каждую минуту. Он любил молча. Всем собой...

Я плакала навзрыд, уткнувшись в ее плечо, и не могла остановиться. Потому что она была права. Потому что я все это время знала правду. Знала, что то, что я принимала за любовь Макса — на самом деле контроль, страх потерять собственность, желание владеть. Знала, что с Кириллом я была собой — сумасшедшей, громкой, неудобной, живой. А с Максом стала удобной тихой и испуганной. Я знала, но так боялась себе в этом признаться. Признаться, что так и не смогла отпустить до конца Кирилла...

— Что мне делать? — прошептала я, поднимая на Катю заплаканное лицо.

— Для начала перестать бояться, — она улыбнулась сквозь слезы, которые она сдерживала. — А потом реши: чего ты хочешь на самом деле? Не боишься, не должна, не «надо», а хочешь.

Я смотрела в окно на мокрую ноябрьскую улицу, на людей, спешащих по своим делам, и думала. Кирилл. Его глаза. Его голос. Его *«мой номер тот же»*. Я хочу его. Я всегда хотела только его.

А Макс... Макс останется там, где ему место — в моем прошлом, которое я наконец готова отпустить.

Глава 6. Тот, кто умел молчать (Кирилл).

Она вышла из машины, и салон будто опустел. Даже этот аромат, который казался чуждым для нее постепенно выветривался.

Я смотрел, как Ника идет к двери кофейни — худенькая, в этом дурацком пальто, с рыжим хвостом, который мотается из стороны в сторону. У входа она обернулась. Посмотрела на меня сквозь стекло.

Я кивнул, завел мотор и уехал.

Уж очень хотелось пойти вместе с ней. Бросить машину тут, у обочины, догнать, зайти внутрь, сесть напротив и просто смотреть. До этого я как-то справлялся. Работа, тренировки, усталость — все это глушило. Но только увидел ее, только поговорил несколько минут — все. Воспоминания возвращаются. Лавиной, от которой не спрятаться.

Я выключил музыку: в тишине было легче.

Теперь я езжу не на старой Ладе, которую она называла «танком» и смеялась, что в ней гремит. Теперь у меня Тойота — надежная, теплая, тихая. Но в пустом салоне все равно холодно.

Я ехал и думал о том вечере, когда все началось...

16 августа, три года назад.

Я вообще не хотел идти на эту вечеринку...

Катя — подруга детства, мы выросли в одном дворе, и от-

казать ей было неправильно. Но шумные сборища, где все пытаются казаться кем-то другим, — не мое. Я с детства не привык притворяться: не видел смысла. За это меня нередко хвалили родители. И поэтому как таковых друзей у меня было немного.

Я планировал отсидеться в углу пару часов, выпить воды для приличия и уехать. Книгу, что ли, почитать в телефоне. А потом в кафе ворвалась она.

Я даже не сразу понял, что случилось. Просто в дверях появился вихрь. Рыжие волосы, которые на концах переходили в вишневый — она потом объясняла, что это эксперимент, *«хотела что-то поменять в жизни»*. Янтарные глаза, которые горели, даже когда в них не попадал свет. Энергия, которой хватило бы на целый взвод.

Она говорила громко, смеялась заразительно, жестикулировала так активно, что я реально испугался, как бы она не смахнула чей-нибудь стакан. Она обнимала Катю, извинялась за опоздание, тараторила что-то про пробку — и при этом успевала оглядывать зал.

Когда ее взгляд остановился на мне, я забыл, как дышать. А потом Катя потащила ее к моему столику...

— Вероника, знакомься — это Кирилл.

— О, значит, мы поладим!

Она села рядом — бесцеремонно, близко, и от нее пахло чем-то сладким и свежим одновременно. И начала допрос...

Я старался отвечать односложно. Не потому, что был

нелюдим, а потому что боялся, что голос выдаст меня. Что она услышит, как сильно я уже поплыл...

— Так, — начала она, кивая на мой стакан. — Ты что, совсем не пьешь? В смысле, вообще?

— За рулем.

— О, ответственный! Это похвально. А если бы не был за рулем? Ну вот представь: ты пришел пешком, все можно. Что тогда?

— Все равно бы не пил.

— Скучно... Катя мне рассказала, что ты хочешь в спецназ. А зачем?

Я посмотрел на нее. На ее живые горящие глаза. На то, как она улыбается, будто весь мир — ее личный праздник. И сказал правду. Ту правду, которая родилась во мне в ту секунду, когда я ее увидел.

— Потому что кто-то должен защищать таких, как ты.

Она замерла.

Впервые за весь вечер — замерла, перестала тараторить, перестала жестикулировать. Просто смотрела на меня своими большими янтарными глазами, и в них было что-то такое... чистое. Удивление. Искреннее.

И я понял: пропал.

Она была всем, чего я не знал в себе: светом, шумом, жизнью. Я, привыкший к тишине, порядку, дисциплине, оживал рядом с ней.

Впервые я привел ее на карьер за городом, где трениро-

вался. Думал, ей будет скучно, что она начнет капризничать, мерзнуть, проситься домой. Но она затихла... Смотрела, как я держу пневматику, как стреляю, и в ее глазах я увидел не страх — восхищение.

— Это красиво, — сказала она потом. — По-своему. Сурово, но красиво.

Она увидела то, чего другие не видели. Суровую «поэзию» моей работы.

А потом она привела меня к себе.

Ее комната была... ее. Заставленная книгами по искусству, некоторые из книг стояли стопками на полу, потому что на полках не хватало места. Эскизы, разбросанные по столу. Сухие цветы в стаканах — она собирала их и ставила, потому что *«в них тоже есть жизнь, просто другая»*.

Я заметил стеллаж, который разваливался. Одна полка держалась на честном слове, и книги на ней лежали уже под углом. Я молча снял куртку, нашел инструменты: у нее в кладовке был какой-то древний ящик, который, скорее всего, достался от предыдущих жильцов. Вернулся в комнату и начал чинить.

Она села на кровать, обхватила колени руками и смотрела. Молча. Долго.

— Ты чинишь мне полку, — сказала она тихо. — Это красивее сонета.

Я промолчал, но запомнил.

Я искал для нее подарки, как ведут расследование: вни-

мательно, дотошно, фиксируя каждую мелочь.

Заметил, как она засматривается на акварели одной художницы в Instagram. Листает, останавливается, вздыхает. Я запомнил никнейм. Нашел, что у этой художницы была выставка два года назад в соседнем городе, и разыскал каталог. Заказал через знакомых, переплатил в три раза. Когда подарил — она светилась так, что в комнате стало будто ярче.

Услышал, как она мечтает о «лапландском синем» — пигмент, который часто используют для рисования северного сияния. Она говорила об этом с Катей, когда мы сидели в кафе, и думала, что я не слушаю — я был занят своим кофе. Но я слышал. Нашел, заказал из-за границы. Подарил просто так, в обычный будний день.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, разглядывая коробочку.

Я пожал плечами.

— Ты ведь говорила.

— Я говорила при тебе?

— ...Неважно.

Она посмотрела на меня тогда так, что у меня внутри все перевернулось. И ради этого света я готов был горы свернуть. Луну с неба достать. Все, что угодно.

Но я разрывался...

С одной стороны — служба, присяга, долг. Люди, которые зависели от меня. Братья, с которыми я ездил в разведку и на учения. С другой — она, моя Ника, с ее требовательными

янтарными глазами, которым нужно было мое время. Мое присутствие. Сам я.

Я видел, как ей тяжело, когда я не мог приехать. Когда срывались планы. Когда вместо нашего вечера я уезжал на срочный вызов. Но что я мог сделать? Бросить все? Предать тех, с кем я вместе работаю? Я не умел иначе: так был воспитан. Сначала долг, а потом уже личное.

Постепенно добралось лето и ее дипломная защита. Я обещал быть. Реально обещал: отпросился, договорился, все распланировал. Но утром объявили срочный выезд. Я писал ей смс, пока садились в машину: *«Горжусь тобой. Извини, что не смог. Срочный выезд»*. Но она не ответила.

Я звонил вечером — трубку не взяла. Потом написала: *«Все хорошо»*. И все.

Той ночью я корил себя за то, что не смог приехать и поздравить как следует: ведь мог попросить кого-то поехать за меня... И хоть она потом простила меня я иногда продолжал напоминать себе об этом.

Ее день рождения я планировал еще за месяц. Даже не пожалел денег и купил художественный набор, смотря на который она тихо вздыхала. Но, как назло, нас задержали на разборе полетов — влетело начальство, орали, что мы косячим, и всех заставили пересдавать нормативы.

Я смог позвонить только вечером. Услышал в трубке тишину. Таковую, которая страшнее крика.

— Все хорошо... — сказала она.

И потом послышались короткие гудки.

Я знал, что не хорошо. Знал, что она плакала, сидела одна в своей комнате, среди книг и сухих цветов, и ждала. А я не пришел.

Но что я мог сделать? Ведь словами вину не искупить...

11 октября, два года назад.

Это неизбежное событие произошло спустя три дня после ее дня рождения. Тогда мы встретились у ее дома.

С утра у меня было плохое предчувствие, но я пытался отогнать его как только мог. И все же... В этот день я стал доверять этому неприятному, но полезному *шестому чутью* безусловно.

Осень в том году тоже была мерзкой — холодный, пронизывающий дождь моросил с утра до ночи. Мы стояли под козырьком подъезда, и капли стекали с крыши, разбиваясь об асфальт.

Она смотрела на темное окно своей кухни. Не на меня.

— Кирилл, я больше не могу так, — сказала она. Голос удивительно спокойный. Пустой. — Мне одиноко. Даже когда ты рядом. Ты где-то там, внутри себя, а мне нужен ты... здесь. Настоящий.

Я молчал. Что я мог сказать?

Что люблю? Она знала.

Что стараюсь? Недостаточно старался.

Что все изменится? Я не умел врать...

Я не знал, изменится ли. Служба не ждала. Долг никуда не девался...

Я смотрел на нее — на ее бледное лицо, на капли дождя в рыжих волосах, на руки, которые она прятала в карманы пальто, — и чувствовал, как внутри все разрывается на части.

— Хорошо... — сказал я.

Это слово обожгло губы. Я ожидал, что она будет кричать, плакать, спрашивать *«Почему?»*. Я был готов к бою, к истерике, к чему угодно. Я бы выдержал, стерпел, принял.

Но она лишь кивнула... Все так же глядя не на меня: на то чертово окно. И пошла к подъезду.

Медленно. Словно давая мне шанс. Словно говоря: *«Останови меня. Сделай что-нибудь. Докажи, что я ошибаюсь»*.

Мою гордость, выкованную в дисциплине и тренировках, разрывало на куски. Я хотел броситься за ней, схватить, прижать к себе, не отпускать никогда. Кричать, что я дурак, что исправлюсь, что все будет по-другому.

Но ноги словно приросли к асфальту.

Если я — ее проблема, а не решение, я обязан отступить. Я не имею права мучить ее собой.

Я развернулся и шагнул в промозглую темноту. Дождь стекал за воротник, холод пробирал до костей, но мне было все равно. Я чувствовал лишь оглушительную тишину внутри. Там, где только что рухнул целый мир.

После расставания я ушел с головой в работу. ОМОН, тренировки, выезды. Жесткий график, никаких выходных. Я загонял себя так, чтобы падать без сил и просто отключаться. Чтобы не думать...

Не думать о ее рыжих волосах, которые пахли чем-то сладким. Не думать о том, как она смеялась — заразительно, громко, на весь мир. Не думать о ее янтарных глазах с едва видимыми слезами в тот вечер под дождем. Не думать о том, как она смотрела на меня, когда я чинил ей вещи. С тем самым светом, ради которого я готов был свернуть горы.

Получалось. Почти...

Были моменты, когда я ловил себя на том, что ищу ее в толпе. Когда чувствовал ее аромат: цветов и карамели. Когда вздрагивал от женского смеха, похожего на ее. Когда ночью, перед отбоем, в голову лезли воспоминания. В таких ситуациях я вставал, шел в спортзал и гонял себя до изнеможения.

Два года. Два гребаных года... Я почти убедил себя, что справился. Что она осталась в прошлом. Что я научился жить без этого света.

А потом я увидел ее на остановке... Худую, замерзшую, в дурацком пальто, с этим вечно непокорным рыжим хвостом, выбивающимся из-под капюшона. И понял: не выучился. Ничему не выучился...

Я даже не заметил, как подъехал к дому. Заглушил мо-

тор, посидел еще немного в темноте, глядя на светящиеся окна многоэтажки. Потом зашел в подъезд, поднялся на свой этаж, открыл дверь.

В квартире было пусто и тихо. Так тихо, что слышно было, как гудит холодильник на кухне. Переоделся, бросил одежду на стул и упал на кровать. Хотелось просто отоспаться — вчера были усиленные подготовки, мышцы гудели, тело требовало отдыха. Я даже не поел — просто лег и закрыл глаза.

Но перед глазами был ее образ. Как обернулась у входа в кофейню. Как смотрела. Как в ее глазах плескалось столько всего, что у меня сердце сжималось...

Я уснул. Потому что организм не выдерживал. Но даже во сне, кажется, я искал ее.

«Мой номер тот же, Ника. Я здесь. Я никуда не ушел. Я жду...»

Глава 7. Тишина после грома (Вероника).

Мы проговорили с Катей еще около получаса.

Она довезла меня почти до самого дома — высадила у поворота на мою улицу, потому что сама спешила в другую сторону. Я вышла из машины, хлопнула дверью, помахала ей рукой и побрела к подъезду.

Ноги гудели. Голова гудела. Внутри было странное опустошение — как после долгой болезни, когда температура наконец спадает и ты просто лежишь, смотришь в потолок и понимаешь: живой.

Лифт не работал — как всегда. Я поплелась пешком на четвертый этаж, считая ступеньки. Ключи подрагивали в руках, когда я пыталась попасть в замочную скважину.

Наконец дверь открылась.

Квартира встретила меня тишиной и темнотой. Только свет от уличных фонарей пробивался сквозь неплотно задернутые шторы, рисуя на полу бледные прямоугольники.

Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной... и сползла на пол. Села прямо у порога, обхватила колени руками и замерла.

В голове было пусто. Ни одной мысли. Только ощущение — тягучее, странное — будто я только что вынырнула из глубокой воды и никак не могу отдышаться. Сколько я так просидела — не знаю. Минуту, пять, десять... Время потеряло смысл.

Потом я встала. Ноги затекли: пришлось переждать, пока противные иголки перестанут колоть ступни. Сняла пальто и повесила его на крючок кое-как.

Душ. Нужен душ. Смыть с себя этот день, этот разговор, эту встречу, эти слезы...

Горячая вода обжигала, пар заполнил ванную отчего зеркало запотело. Я стояла под струями и смотрела, как вода стекает по телу, унося с собой усталость. Или не унося... Или только делая вид.

Выключила воду и завернулась в халат. Подошла к зеркалу, протерла ладонью запотевшую поверхность и посмотрела

на себя: из зеркала на меня смотрела чужая женщина. Уставшая, с темными кругами под глазами. С глазами, в которых не видела веселых эмоций: успела натерпеться и наплакаться.

Я отвела взгляд. Вышла из ванной и взяла телефон. Нашла номер Макса, но палец завис над экраном.

Сейчас или никогда... Если я не сделаю это сейчас — я не сделаю этого никогда. В ближайшем будущем уж точно... Я снова начну себя уговаривать, оправдывать, придумывать причины. Я снова увязну в этом болоте, из которого только начала выползать.

Нажала вызов. Гудок. Второй. Третий...

— Алло? — его голос был сонным и раздраженным. — Ник, ты охренела? Не видела сколько времени?

Я посмотрела на часы. Пол одиннадцатого вечера. Да, поздно для звонков, но мне было все равно. Впервые за долгие месяцы — плевать.

— Привет, Макс. Нам нужно поговорить.

Пауза. Я услышала, как он садится на кровати, с характерным недовольством.

— О чем? — голос моментально стал резким, колючим. Он даже не поздоровался нормально, даже не спросил, все ли в порядке. Сразу встал в стойку.

— Извини, но между нами, все кончено, — сказала я. Голос не дрогнул. Вообще. Я сама удивилась.

Тишина. Такая тишина, которая страшнее крика. Когда

слышно, как ток гудит в проводах. А потом — взрыв.

— Что?! — заорал он так, что я отодвинула трубку от уха. — Ты с ума сошла? Ты это из-за чего? Из-за того, что я сказал про твою подругу? Ника, это все ерунда, я просто волновался! Ты не понимаешь, как я тебя люблю!

— Макс...

— Нет, ты послушай! — он уже не слышал меня. Его несло. — Ты думаешь, что найдешь кого-то лучше? Да кому ты нужна, кроме меня? Ты без меня пропадешь! Ты неблагодарная! Я для тебя все, понимаешь? ВСЕ!

Крики, проклятия, угрозы — все смешалось в один сплошной гул. Он сыпал словами, как пощечинами, пытаюсь задеть, уколоть, вернуть контроль.

Я держала телефон подальше от уха и просто ждала.

Впервые за долгие месяцы я не оправдывалась. Не объясняла. Не пыталась достучаться. Просто ждала, пока буря стихнет.

Потому что я знала: она стихает. Всегда стихала. А потом начиналось: *«Прости, я погорячился, ты же знаешь, как я тебя люблю»*. И я снова верила... Но не сейчас. Он выдохся. Замолчал. Только тяжелое дыхание в трубке.

— Макс, — сказала я тихо, но твердо. — Я заслуживаю большего.

Пауза. Он, кажется, даже дышать перестал.

— И ты тоже заслуживаешь большего, — продолжила я. — Просто... не вместе. Прощай.

Я нажала отбой и, не давая себе времени на раздумья, заблокировала его номер.

Все...

Телефон выскользнул из рук, упал на кровать. Я смотрела на него и не могла поверить, что это только что произошло. Что я это сделала. Что я вышла.

Тишина после «грохота» Макса была оглушающей.

Я сидела несколько минут, приходя в себя. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, но внутри... Внутри было странное облегчение. Будто сняла рюкзак с кирпичами, который тащила годами.

Встала. Пошла на кухню.

Есть особо не хотелось, совершенно, но организм требовал. Чтобы не ложиться с набитым животом, я сделала пару бутербродов с сыром, налила горячий чай и заставила себя съесть. Жевать было трудно — кусок в горло не лез, но я заставила. Потому что завтра будет новый день, и мне нужны силы.

Чай обжигал губы, но это было даже приятно. Ощущение жизни.

Я сидела на кухне, смотрела в темное окно, за которым уже не моросило, а падал редкий снег — чистый в этом году — и вновь думала.

О Кирилле. О его глазах. О его голосе. О том, как он сказал: «*Мой номер тот же*».

Я встала, взяла телефон и вернулась в спальню. Легла на

кровать, уставилась в потолок. Телефон лежал рядом, темным прямоугольником, напоминая о себе.

Я знала номер наизусть. Я не стирала его все эти годы — даже когда мы расстались, даже когда было больно, даже когда я встречалась с Максом. Он просто был там, в списке контактов, как напоминание. Как маяк.

За последние пару месяцев я пару раз ловила себя на том, что пытаюсь его вспомнить — и не могла. Две цифры вылетали из головы. Я думала: ну вот, забываю, значит, отпускаю.

А сейчас, лежа в темноте, я поняла: не забыла.

Я набрала номер. Палец сам находил нужные кнопки, без запинки, без сомнений. Я знала его. Запомнила наизусть...

Только когда пошли гудки, я заметила время на экране. Без пяти час ночи.

Черт...

Я уже хотела сбросить, но было поздно: вызов приняли... Тишина в трубке. Шорох. Дыхание.

— ...Алло? — его голос. Спокойный. Глубокий. Родной. Слегка сонный — будто он недавно проснулся, а сейчас лежал и смотрел в потолок.

У меня перехватило горло.

— Привет... — выдохнула я еле слышно. — Это я.

Пауза.

Долгая. Тягучая. Такая, что я успела испугаться — вдруг он не рад, вдруг я зря, вдруг он уже не хочет, вдруг...

— ...Я знаю, — сказал он.

И в этих двух словах было столько всего, что у меня защипало в носу.

— Мы можем... — голос дрогнул, пришлось откашляться. — Мы можем увидеться? В ближайшие дни?

Еще пауза. Но не холодная, не отстраненная. Я будто слышала, как он думает. Как взвешивает не мои слова — а свои. Как решает, можно ли ему позволить себе эту встречу, или снова включит отстраненный режим.

— ...Можно, — ответил он наконец. И после короткой заминки добавил тихо: — Я думал, ты не спросишь.

Я выдохнула. Так, что он, наверное, услышал.

— Спасибо, — прошептала я.

— За что?

— За то, что ответил.

Он хмыкнул в трубку. Коротко, тепло.

— Я всегда отвечу. Ты же знаешь...

И мы начали говорить...

О ерунде. О погоде — оказывается, у них на базе, где он учился, уже шел снег, а в городе только начинался. О его работе — уклончиво, но я и не спрашивала подробно, знала, что нельзя. О моей — я рассказала про дурацкий проект, который никак не сдается, и он слушал.

Слушал так, как умел только он. Не перебивая, не комментируя, просто впитывая каждое слово.

Я говорила и чувствовала, как уходит напряжение. Как расслабляются плечи. Как внутри разливается тепло.

Сколько мы проговорили — не знаю. Минут двадцать, наверное, или полчаса. Я начала засыпать прямо в трубку — отвечала невпопад, зевала, путала слова.

— Спи, — сказал он наконец. Голос мягкий, чуть насмешливый. — Завтра поговорим.

— Завтра? — переспросила я сонно.

— Если захочешь.

— Захочу.

Он помолчал.

— Тогда спи. Доброй ночи, Ника.

— Доброй ночи, — прошептала я.

Нажала отбой, поставила телефон на зарядку, укуталась в одеяло и закрыла глаза. В голове крутилось: «Я думал, ты не спросишь». Я думал, ты не спросишь... Глупый. Какой же глупый.

Я улыбнулась в темноту и провалилась в сон — глубокий, спокойный. Первый нормальный сон за пару месяцев. За окном падал снег. А у меня внутри что-то оттаивало.

Глава 8. Новый снег (Вероника).

Утром я проснулась от того, что в комнате было подозрительно светло.

Открыла глаза — и зажмурилась. За окном все было белым. Первый нормальный снег — высыпал за ночь, укутал город, спрятал серость ноябрьского асфальта под пушистым одеялом.

Я потянулась за телефоном, глянула на экран и сердце пропустило удар. Там было сообщение от Кирилла: «18:00, поедem в наше кафе. Если захочешь...».

Я смотрела на эти слова и глупо улыбалась в потолок. «Наше». Он написал «наше». Будто ничего не изменилось. Будто эти два года — просто долгий сон, а теперь мы проснулись...

«Да», — напечатала я дрожащими пальцами. — «Очень хочу».

Сегодня был выходной, и это оказалось одновременно благословением и проклятием. С одной стороны — куча времени, чтобы подготовиться. С другой — куча времени, чтобы нервничать...

Сначала уборка. Я вычистила квартиру до блеска, потому что не могла сидеть на месте — руки должны были чем-то заниматься. Пылесос гудел, тряпка мелькала, я даже дотерла окна, хотя на улице было минус пять, и они все равно запотеют.

А потом началось самое страшное: выбор наряда... Я перерыла весь шкаф. Честно — весь. Вещи ложились на кровать, на стул, на стол, образуя многослойные геологические отложения.

Платье? Слишком нарядно, будто я на свидание напрашиваюсь. Хотя... а разве нет? Нет, мы просто встретимся. Просто поговорим. Просто...

Джинсы и свитер? Слишком просто, будто мне все равно. Я металась между вешалками, пока не поняла: я ищу не

«красивое». Я ищу то, в чем буду **собой**. Чтобы он увидел меня, а не маску, не «*стараясь понравиться*», не «*смотри, какая я стала*».

В итоге остановилась на теплом бежевом свитере крупной вязки, светло-синих джинсах и высоких сапогах. Волосы распустила — пусть этот рыжий хвост, который он всегда любил, останется дома. Сегодня я хотела быть другой. Но собой.

Макияж — чуть-чуть. Только чтобы скрыть следы вчерашних слез и недосыпа.

К шести я была готова. Сидела перед зеркалом в прихожей, смотрела на свое отражение и пыталась унять дрожь в коленях. Глупая. Как на первое свидание в пятнадцать лет.

Телефон зазвонил будто по таймеру, ровно в 18:00.

— Я у подъезда, — сказал он. Коротко. Спокойно. Без лишних слов.

— Иду, — выдохнула я.

Надела пальто, схватила шарф с перчатками — и вылетела в подъезд. Лифт, как назло, снова не работал, пришлось бежать по лестнице. Я летела вниз, перепрыгивая через ступеньки, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле.

Выскочила из подъезда — и замерла.

Он стоял у машины, засыпанный снегом. Та самая коричневая дубленка, в которой я помнила его еще с тех времен — теплая, надежная, чуть поношенная, но ему так шла. На плечах и голове — белые хлопья, он даже не стряхивал, про-

сто стоял и ждал.

Увидел меня — и улыбнулся. Так просто. Так открыто. Так, будто я — самое лучшее, что случилось с ним в этот снежный день...

— Красивая... — сказал он.

Всего одно слово. А у меня внутри все растаяло...

Глава 9. Встреча (Кирилл).

Услышать ее голос вчера ночью — это было... Странно. Но хорошо. Правильно, даже несмотря на то, что пришлось пожертвовать парой часов сна — я все равно не спал. Проснулся и лежал: смотрел в потолок и думал о чем-то.

А когда она позвонила — будто током ударило. Я схватил трубку раньше, чем успел подумать, стоит ли брать.

И мы говорили... Просто говорили. А потом она начала засыпать в трубку, и я слушал ее дыхание, боясь пошевелиться.

Утром написал. Долго думал, как сформулировать... Не хотел спугнуть, не хотел давить. Просто предложил встретиться там, где все начиналось. «*Наше кафе*» — отправил и замер. Вдруг рано? Вдруг она не готова?

Увидел в ответе «*Да*» и выдохнул.

Днем отзанимался — надо было сбросить напряжение. Тренировка вышла жесткой: я гонял себя так, что товарищи смотрели с удивлением. Но после нее стало легче: мысли улеглись, пульс пришел в норму.

Вернулся домой, начал приводить себя в порядок. Душ, темные джинсы, черная водолазка — не парадная, но и не та, в которой на тренировку ходят. Сверху коричневая дубленка, в которой я нередко к ней приезжал. В зеркало смотрел хмуро, пытаюсь понять, что она увидит.

Постарел? Изменился? Да какая разница...

За десять минут до оговоренного времени я уже был у ее подъезда. Машину припарковал так, чтобы видно было дверь. Мало ли — вдруг выйдет раньше, вдруг замерзнет ждать.

Снег валил крупными хлопьями, красиво так, по-настоящему зимой. Я вышел из машины — захотелось подышать, размяться. Стоял, оперевшись на капот, и ждал.

Когда она вышла — я сразу обратил внимание: оделась по погоде. И пальто нормальное, и сапоги высокие. Не должна замерзнуть: это хорошо.

Подошла. В глазах — волнение, но пытается держаться. Красивая. Очень...

— Красивая, — сказал я. Не удержался. Потому что это была правда.

Открыл перед ней дверь, подождал, пока сядет, хлопнул. Сам устроился за рулем, включил печку — в салоне тепло, но пусть будет, чтобы она точно не мерзла.

Мы поехали не спеша. В машине играла негромкая музыка — та, старая, что мы слушали вместе. Я не специально ее поставил, она сама включилась, плейлист какой-то старый.

Но промолчал: пусть.

Подъехали к кафе. Я вышел первым, обошел машину, помог ей выйти — привычка, въевшаяся в кровь. В самом кафе «разобрался» с верхней одеждой — забрал и повесил пальто, отодвинул стул.

Она села. Я сел напротив и ловил каждое ее движение.

Она волновалась — это было видно. Теребила салфетку, крутила ее в пальцах, отрывала маленькие кусочки. Смотрела то в окно, то на меня, то в меню, которое держала, но не читала.

Я ждал: не давил, просто был рядом.

— Как работа? — спросил я, чтобы начать. Самый безопасный вопрос.

Она выдохнула — и расслабилась. Прямо на глазах. Плечи опустились, пальцы перестали терзать несчастную салфетку.

И понеслось...

Она рассказывала про начальника-дурака, про проекты, про Катю, про то, как сегодня убирала квартиру и перемерила полшкафа. Я слушал. Как тогда. Как всегда.

А потом мы начали вспоминать...

— А помнишь, как ты впервые привел меня на карьер, и я чуть не упала с того бревна?

— Помню. Ты визжала так, что птицы с деревьев разлетелись.

— Не визжала, а выражала эмоции...

— Ага... Эмоции на децибелы не поделишь.

Она засмеялась — искренне, громко, как раньше. И я понял: как же я скучал по этому смеху. Изголодался...

— Знаешь, — сказал я, когда смех утих. — Я ведь тогда злился на тебя.

Она замерла. В глазах — вопрос.

— На что?

— На то, что ты не понимала. На то, что я не мог дать тебе больше времени. На себя, что не умел иначе... — Я помолчал, собираясь с мыслями. — Но потом понял: обижаться на прошлое все равно, что ругать дождь за то, что он мокрый: бессмысленно. Он просто есть...

Она смотрела на меня долгим взглядом. А потом улыбнулась — тепло, немного грустно.

— А я часто вспоминала, — сказала она тихо, — как ты однажды просто взял и починил мою сломанную лампу. Хотя я даже не просила. Ты просто пришел, увидел и починил.

— Ну, я же видел, как ты мучаешься при тусклом свете, — пожал я плечами. — Рисовала вечерами, а лампа еле светила. Глаза бы испортила.

Она моргнула и в ее глазах блеснули слезы.

— Кирилл... — голос дрогнул. Она глубоко вздохнула, собираясь. — Мне хочется попробовать снова. Если ты...

Она замолчала, не договорив. Боялась. Я не перебивал, не торопил. Просто ждал. Понял, что не продолжит, поэтому сказал:

— Мне нужно время...

Она кивнула, но в глазах мелькнула тень.

— Я не хочу снова наступать на те же грабли, — объяснил я. — Не хочу, чтобы ты опять страдала из-за моей работы. Я должен понять, как это совместить. Как быть рядом, когда меня вечно нет.

Она кивнула снова. Понимающе. Взросло.

— А что насчет того парня? — спросил я прямо. Надо было знать.

— Все кончено, — твердо ответила она. — Окончательно.

Я вздохнул. Не от облегчения — от понимания, что сейчас все в наших руках. И ошибиться нельзя...

— Можем начать с малого, — предложил я. — Без обязательств. Просто... наладим связь и будем рядом. Поглядим, как пойдет. Идет?

Она подумала секунду. Потом кивнула.

— Идет.

Глава 10. Снег (Вероника).

После кафе мы пошли гулять в парк. Снег все падал — крупный, пушистый, сказочный. Фонари горели мягким желтым светом, и в их лучах снежинки казались золотыми. Я даже остановилась на минуту, чтобы рассмотреть их: они кружились в этом свете, как стайки светлячков, и тихо ложились на его плечи, на шапку, на ресницы. Красиво. Боже, как же ему идет зима...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.